

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ/PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.162.23>

КРИТЕРИИ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ИДЕЙ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Научная статья

Луань В.¹

¹ ORCID : 0009-0005-1816-1800;

¹ Хэйлунцзянский институт иностранных языков, Харбин, Китай

* Корреспондирующий автор (marf_05[at]mail.ru)

Аннотация

Цель данной статьи состоит в обосновании взаимозависимости и взаимосвязи культурной безопасности и стратегии культуры Китая. Анализ работ китайских философов дал основание ввести в оборот исследования такое понятие как «критерий». Если культурная безопасность Китая — это цель, которая должна быть достигнута в процессе реализации стратегий, то критерии культурной безопасности — это средство достижения цели. В статье обосновано, что достижение культурной безопасности возможно благодаря культурной стратегии, стратегии культуры и стратегической культуре, которые, предопределяя друг друга, представляют реализацию внешней и внутренней культурной безопасности Китая. Так как критерий определяет основание для принятия решения, то были определены:

- уверенность и идентичность;
- культурная преемственность, наследование, инновации;
- культурная индустрия.

Благодаря системному подходу культурная безопасность, типы стратегии и критерии представляют герменевтический круг.

Ключевые слова: культурная безопасность Китая, стратегическая культура, культурная стратегия, стратегия культуры Китая, критерии культурной безопасности Китая.

CRITERIA FOR CULTURAL SECURITY IN MODERN CHINA: PHILOSOPHICAL REFLECTION ON THE IDEAS OF CHINESE RESEARCHERS

Research article

Луань В.¹

¹ ORCID : 0009-0005-1816-1800;

¹ Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China

* Corresponding author (marf_05[at]mail.ru)

Abstract

The aim of this article is to substantiate the interdependence and interconnection between cultural security and China's cultural strategy. An analysis of the works of Chinese philosophers has provided grounds for introducing the concept of 'criteria' into research. If China's cultural security is a goal to be achieved in the process of implementing strategies, then cultural security criteria are the means to achieve that objective. The paper argues that cultural security can be achieved through cultural strategy, cultural policy and strategic culture, which, predetermining each other, represent the implementation of China's external and internal cultural security. Since criteria determine the basis for decision-making, the following ones were identified:

- confidence and identity;
- cultural continuity, inheritance, innovation;
- cultural industry.

Thanks to a systematic approach, cultural security, strategy types, and criteria form a hermeneutic circle.

Keywords: China's cultural security, strategic culture, cultural strategy, China's cultural strategy, criteria for China's cultural security.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена изучением теоретических проблем культурной безопасности, которые стали сегодня одним из основных направлений в китайской академической философской мысли. Пережив эпоху трансформации традиционной культуры в период реформ и открытости, следуя идеям Председателя Си Цзиньпина о роли культуры в китайском обществе (Без расцвета китайской культуры невозможно великое возрождение китайской нации [16]; Культура — это жизненно важная сила для выживания и развития нации [15]; Создание культурно мощной державы имеет решающее значение для общего развития модернизационного процесса Китая, великого дела возрождения китайской нации и повышения международной конкурентоспособности [17] и т.д.), китайские философы, анализируют исследования проблем культурной безопасности в западных научных школах для последующего формирования собственной теории. Чэн Вэньгэ, проведя фундаментальное исследование теории культурной безопасности Копенгагенской школы, замечает, что ее обращение к концепции секьюритизации [26, С. 75] может быть использовано при культурном дискурсе о формировании теории культурной безопасности Китая.

Обосновывает он это тем, что при изучении культурной безопасности Китая необходимо признать культурные характеристики дискурса о культурной безопасности и, что китайская культура находится в конкурентных отношениях с западной и другими культурами [26, С. 79]. Китайские философы приходят к заключению, что в западной философии нет отдельной области, которая напрямую занималась бы исследованиями культурной безопасности. Однако, по их мнению, тем не менее, она предоставляет важную теоретическую основу для понимания и обсуждения культурной безопасности, уделяя особое внимание таким темам, как язык, власть, культурная идентичность и различия, которые тесно связаны с культурной безопасностью.

Обращают внимание китайские исследователи и на проблемы теории культурной безопасности, которая оформляется в российской академической среде. Так, Чжан Си, анализируя современные философские дискурсы в российской философии и культурологии, отмечает, что если Россия хочет решить три своих реальных проблемы (кризис идентичности, напряжённость в культурном пространстве, конфликт между национальной и мировой культурами), поддержание культурной безопасности должно стать насущной задачей как для российского государства, так и для российского общества [25].

Таким образом, обращаясь к философской рефлексии, китайские исследователи, критически осмысливая теоретические основания и предпосылки, смысловую заданность культурной безопасности в западной и российской теории, определяют для себя адекватные способы ее понимания.

Теоретическая значимость исследования состоит в его обосновании понимания культурной безопасности; в дискуссионности, так как позиция автора статьи, основанная на интерпретации мнений китайских философов, может вызвать альтернативные взгляды у российских ученых. В статью впервые введены аутентичные китайские источники, которые не были представлены в предшествующих российских исследованиях.

Методы и принципы исследования

В процессе проведенного анализа заявленной темы, автор обращался к методологическим приемам, которые позволили обосновать предмет исследования. Обращение к философской рефлексии позволило не только выявить использование данного метода в китайской философии, но и обосновать критерии культурной безопасности в контексте китайских исследований. Герменевтический подход позволил интерпретировать опыт формирования культурной безопасности Китая, основанный на идеях Председателя Си Цзиньпина, благодаря чему было выявлено соотношение таких понятий, как «культурная безопасность», «культурная стратегия», что позволило раскрыть смысловое понимание критериев культурной безопасности. Обращение к философско-культурологическому подходу способствовало обоснованию обращения к философскому анализу понимания доминирующей роли культуры в концепции безопасности Китая. Интегративный подход позволил представить целостное восприятие критериев культурной безопасности Китая в контексте типов стратегии культуры. Благодаря гносеологическому методу, через совокупность вышеназванных подходов, представлены новые знания о китайской теории культурной безопасности. Системный метод позволил раскрыть культурную безопасность, типы стратегий, критерии культурной безопасности Китая как единое целое, где каждое звено данной системы определяет смысловую завершенность целого.

Основные результаты

В результате анализа исследований китайских авторов было выявлено, что культурная безопасность Китая трактуется ими с двух позиций. Первая группа китайских философов рассматривают ее через воспитание культурной уверенности и формирование культурной идентичности; как сохранение культурной преемственности, основанной на наследовании и принятии инноваций. Для авторов, придерживающихся второй позиции культурная безопасность — это сфера культурной индустрии, обеспечивающей формирование внутреннего и внешнего культурного рынка. Данные авторы, не вступая в оппозицию по отношению к друг другу, рефлексируют в своих исследованиях фундаментальные положения, которые были заложены в инновационном проекте Пекинского университета «Культурная стратегия в период подъема великих держав» 2013 года [6]. Авторы Проекта в своем исследовании придерживаются логики исследования, которая определена стратегией Си Цзиньпина: изучать зарубежную практику — анализировать зарубежные теории, описывающие практику — формировать собственную теорию — воплощать теорию в практику. Поэтому они на основе углубленного анализа культурных стратегий мировых держав, способствующих формированию их международного статуса, начиная с эпохи промышленной революции; систематизируя идеологическую и культурную практику, способствующую развитию роли культуры в становлении национальной культурной мощи, сосредоточили свое внимание на изучение внутренней связи между культурой и экономикой. Это позволило, по нашему мнению, реализовать главную задачу Проекта: на основе анализа культурных стратегий других стран, сопоставления их с китайскими концепциями, выявить перспективу дальнейшего развития культурной безопасности Китая.

Мы придерживаемся позиции, что тип культурной стратегии взаимосвязан с культурной безопасностью. Для обоснования этого обращаемся к типологии стратегий Генри Минцбера [3]. Он предлагает следующие типы: стратегия как план (или модель), стратегия как парадигма (или шаблон), стратегия как позиционирование, стратегия как перспектива (или образ мышления), стратегия как концепция. В рамках рефлексии его идеи мы представляем трактовку соотношения стратегии и культуры, ориентируясь на обоснование их взаимообусловленности, на выявление многообразных критериев культурной безопасности, которые в зависимости от показателей, позволяют определить их соотнесенность. В соответствие с этим, обращение к стратегии обусловлено тем, что она определяет способ достижения культурной безопасности, подразумевает способность защищать духовное ядро нации, систему ценностей и культурный суверенитет от внешних угроз и разрушений, а также поддерживает их развитие. Поэтому неслучайно, что ее суть заключается в обеспечении стабильности путем укрепления культурного доверия и общих ценностей, сохранения культурного суверенитета и культурных ресурсов, что соответствует культурному наследию и инновациям. Дэн Юйжун и Ло Дэфэн заметили, что культурная безопасность, прежде всего, относится к состоянию, при котором

культура не вытесняется и не ассимилируется другими культурами, сохраняя свою независимость, целостность, непрерывное наследие и развитие [4, С. 94]. А так как культурная безопасность сталкивается с двумя видами вызовов (культурным проникновением извне и ослаблением культурной идентичности внутри), то возникает необходимость исследования стратегии культуры, так как именно она выстраивает путь разрешения противоречий; решения проблем, порожденных вызовами китайской культуре. Подтверждение сказанному видим у Янь Сюй, профессора «Центра исследований идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи» Национального университета обороны, утверждающего, что культурная безопасность, в первую очередь, определяется состоянием, в котором культура страны выживает и развивается, не подвергаясь угрозам и опасностям; её способностью поддерживать устойчивую безопасность [25].

Опираясь на вышесказанное, определяем такие понятия как: стратегическая культура, культурная стратегия, стратегия культуры Китая. Так же, необходимо заметить следующее. В китайском языке понятия «культурная стратегия» (文化战略) и «стратегия культуры» (文化战略) соответствуют одному иероглифическому написанию. При работе с аутентичными источниками «разведение» данных понятий стало возможно благодаря философской рецепции и интерпретации мнений российских исследователей, той контекстуальной смысловой нагрузке, которая свойственна тому или другому понятию в конкретном контексте. Так как культурная безопасность имеет два уровня — внешний и внутренний, то, в данной ситуации, мы исходим из того, что понятие «стратегия культуры» раскрывает смысл внешней стратегии; понятие «культурная стратегия» характеризует стратегию становления современной китайской культуры; а стратегическая культура — это совокупность убеждений, стратегическое мышление, которое не только обеспечивает рефлексию национальной идентичности, но и выступает культурным контекстом во внешней политике.

Релевантность данных понятий подтверждается мнениями некоторых российских исследователей. Так, например, С.Ю. Распетрова рассматривает культурную стратегию Китая как формирование гармоничной культуры [14, С. 74–75]; как механизм реализации деятельности Института Конфуция [13, С. 156]. Э.Ж. Цыревонова и Т.Н. Кучинская придерживаются мнения А.Я. Флиера [24] и О.Н. Астафьевой [1], трактуя культурную стратегию как реализацию государственной культурной политики, как политику сохранения культурного своеобразия [23, С. 66]. О.С. Кочетов пишет о стратегической культуре Китая как о культуральной топографии и философии международных отношений [9, С. 31]. К.Е. Кожухова трактует ее как реализацию внешней политики [7, С. 483]; а на основе анализа китайских источников объясняет ее как «демонстрацию «гармонии» на международной арене» и как «добродетельное» применение «силы для восстановления равновесия в мире в конфуцианском духе» [8, С. 138].

Таким образом, стратегия — это путь достижения (обеспечения) культурной безопасности. Обращение к понятию «критерии культурной безопасности» обосновано тем, что оно позволяет оценить принятное решение в процессе реализации стратегии, это — показатели культурной безопасности, за счет которых реализуется тот или другой тип стратегии.

Обсуждение

Если стратегическая культура основана на традиционных императивах (ценности, традиции, обычаи), культурная стратегия — на гармоничной культуре, то стратегия культуры — это «мягкая сила» культуры. Мы предполагаем, что типы стратегий обеспечивают реализацию критериев культурной безопасности. С учетом сказанного, отмечаем, что систематизация культурной безопасности и стратегии культуры позволяет определить критерии культурной безопасности Китая. К ним мы относим: уверенность и идентичность (направленность стратегической культуры); культурная преемственность, наследование, инновации (сущность культурной стратегии); культурная индустрия (механизмы стратегии культуры).

4.1. Уверенность и идентичность как критерии культурной безопасности определяют направленность стратегической культуры

Вопросы культурной уверенности являются для китайских специалистов самыми доминирующими в контексте осмыслиения культурной безопасности. Это обусловлено тем, что она представляет собой [12] коллективный, относительно стабильный, позитивный культурный менталитет, который нация проявляет по отношению к собственным культурным проблемам, поэтому она часто нуждается в совершенствовании, прежде чем сможет быть укреплена и развита.

Чтобы понять проблему культурной уверенности, прежде всего, необходимо понять ее базовую коннотацию. В целом, культурная уверенность — это позитивное ментальное состояние китайской нации по отношению к китайской культуре. Она сосредоточена в высокой осведомленности общества о развитии китайской культуры, о ее роли и преимуществах, в твердой вере в ее дух. Это духовное стремление и твердая уверенность в китайской культуре поддерживается 56 этническими группами современного Китая, поэтому она коррелируется с культурной идентичностью. Подтверждение этому мы видим у Ли Сыцзе, утверждающего, что культурная безопасность связана с национальной стабильностью, этническим единством и духовным наследием, поэтому является ключевым звеном общей безопасности страны [11]. По этому поводу Сюй Чжун обращается к словам генерального секретаря Си Цзиньпина, который в речи на симпозиуме по культурному наследию и развитию отметил: «Только с уверенностью мы можем стать сильными. Только нация с культурной уверенностью может стоять твердо, выстоять и пойти далеко» [19].

Сюй Чжун, характеризуя уверенность как базовую основу культурной безопасности, объясняет ее приоритет тем, что культура глубоко влияет на существование человека и общества, оказывая воздействие на социальное развитие и прогресс цивилизации, так как ее сила всегда интегрирована в экономику, политику и общество, играя, при этом, важную роль в этих сферах. Из этого следует, что культурная уверенность современного Китая рефлексирует коллективную уверенность китайской нации, тем самым, представляя собой уверенность его граждан. Если систематизировать мнения китайских ученых, то можно сказать, что самое фундаментальное в культурной уверенности современного Китая — это твердая уверенность в духе китайской культуры. Но если она не будет

реализована без субъективной уверенности, то она бессмысленна [12]. Следовательно, субъективная культурная уверенность — это культурная идентичность.

У Юйцзюнь, профессор философского факультета Пекинского педагогического университета, достаточно категорично отмечает, что культурная идентичность является основой национальной культурной безопасности [21]. Эту позицию можно обосновать тем, что она объединяет безопасность различных областей, обеспечивая общий контроль. Так как типы безопасности (культурная, экологическая, идеологическая, экономическая и т.д.) взаимосвязаны и влияют друг на друга, то идентичность при различных условиях может трансформировать их.

Культурная идентичность подразумевает чувство принадлежности к сообществу, сформированному людьми, имеющими общие исторические воспоминания, культурные обычаи и т. д. Но здесь необходимо учитывать тот факт, что ее формирование зависит от интеграции национальной культуры с другими культурами, что может повлечь нарушение ее устойчивости. Поэтому от культурной идентичности зависит укрепление национальной культурной безопасности. Она подчеркивает особенности нации и воплощает качества, которые отличают ее от других.

Так как культурная идентичность является важным символом для общества, то она раскрывается в личной идентификации, которая соответствует общественной. Следовательно, можно сказать, что культурная идентичность влияет на самоидентификацию и социальную идентичность индивида, ориентируя его на верность своей культуре, на сохранение ее ценностей. А следовательно, она формирует прочную духовную связь между всеми этническими группами. Как пишет Ван Цзинь, она усиливает идентификацию всех этнических групп Китая с китайской культурой, Коммунистической партией Китая и социализмом с китайской спецификой [2].

Таким образом, культурная уверенность и идентичность, раскрывая направленность стратегической культуры, выступают критериями культурной безопасности Китая.

4.2. Культурная преемственность, наследование, инновации как сущность культурной стратегии

Понимание культурной идентичности обуславливает отношение к национальной культуре, к культуре всех этносов, составляющих единство множества. Поэтому Янь Сюй отмечает, что, для обеспечения культурной безопасности необходимо регулировать отношения между культурами этнических меньшинств и национальной культурой, между национальной культурой и мировой культурой, между социалистической и капиталистической культурой [25]. Но здесь необходимо сделать один акцент на том, что отношения между культурами предполагают культурный обмен, возможность учиться друг у друга, а следовательно, если вновь обратиться к Янь Сюй — интегрироваться и продвигать друг друга в культурном доверии. В этом и проявляется один из аспектов культурной инновации. Так, например, К.А. Тарабарко и Т.Н. Кучинская рассматривают региональный культурный бренд как инновационный механизм «реализации «мягкой силы» культуры во внутренних стратегиях КНР». Поэтому у них «культурный бренд региона выступает в качестве транслятора его культурных ценностей» [20, С. 358]. Но культурные инновации невозможны без своего логического звена — наследования. Не случайно, что, рассуждая о культурной безопасности, Сюй Чжун говорит о том, что необходимо обеспечить сохранение автономии и многообразие наследия традиционной китайской культуры [19]. Но что значит «сохранять автономию»? Ли Сыцзе придерживается позиции, что для защиты исторического и культурного наследия необходимо «оживление» и «придание популярности» культурным реликвиям, что поможет не только глубоко укоренить культурную субъективность в духовном мире народа, но и укреплять и возрождать ее посредством культурной открытости [11].

Следовательно, культурная преемственность, наследование, инновации, выступая критериями культурной безопасности, обеспечивают, обосновывают сущность культурной стратегии.

4.3. Культурная индустрия в стратегии культуры

В данном случае мы рассматриваем культурную индустрию в контексте сохранения культуры, как рычаг культурной безопасности, направленный на материальную культуру. Необходимо обратить внимание на понимание культурной индустрии в контексте культурной безопасности Китая. Если исходить из общего понятия, то культурная индустрия — это массовое производство в сфере культуры.

А теперь обратимся к некоторым положениям из интервью Вэй Пэнцзюй, специального эксперта канала культурной индустрии China Economic Net; доктора наук, профессора, декана Института экономики культуры Центрального университета финансов и экономики, директора Национального центра исследований культурных инноваций Министерства культуры, которое было им дано «Beijing News» [10]. Вэй Пэнцзюй воспринимает культурную безопасность как средство интеграции китайской культуры в мир и как механизм, формирующий китайскую культуру, открытую для мира. Поэтому, если культурная безопасность является целью, то культурные инновации, индустрии являются средством. По его мнению, развитие современной культурной индустрии Китая относительно незрелое и не полностью аккумулировано. Поэтому она, стремясь к культурным инновациям, сегодня требуют большего консерватизма, защиты и сохранения, чтобы не перейти от инноваций к ущербу, уничтожая культурные реликвии.

И здесь стоит поставить вопрос — все ли подвержено культурной индустрии? Можно ли традиционную культуру представить в этом потоке?

Сегодня в развитии теории культурного наследия преобладает культурно-инновационный подход. Он предполагает изучать наследие традиционной культуры, приобретение новых знаний о ней, участие в культурных мероприятиях, выявление коннотаций традиционной культуры и т.д. По замечанию Дэн Сяньччао, здесь стоит заметить, что процесс сохранения культурного наследия сегодня требует использования новых технологий [5, С. 18]. А следовательно, как пишет Сюй Цинь, уважая уникальность традиционной культуры, необходимо ее сочетать с интересами современного общества, используя инновационные способы [18, С. 16]. Например, с помощью современных научно-технических средств традиционные элементы культуры могут сочетаться с современными формами искусства для создания произведений искусства, что позволит ощущать слияние современности с традиционными культурными коннотациями. А культурные продукты, имеющие практическое значение, могут быть созданы путем использования

традиционной культуры. Поэтому в процессе ее наследования необходимо обращаться к новым методам, таким, как цифровизация и сетевое взаимодействие, что позволит удовлетворить потребности современного общества и решить проблему сохранения культурного наследия. Например, традиционные формы искусства, такие как живопись, музыка и танец, могут быть преобразованы в цифровые произведения, которые будут демонстрироваться и распространяться через онлайн-платформы. Это будет способствовать тому, что через социальные сети и другие каналы все больше людей смогут приобщиться к культурному наследию. Освещение традиционных культурных мероприятий в Интернете может быть организовано через платформы социальных сетей, чтобы позволить большему количеству людей понять наследие традиционной культуры. Непосредственное приобщение к культуре возможно через лагеря знакомства с традиционной культурой, тематические парки традиционной культуры.

Большую роль в сохранении наследия играют образовательные технологии. Благодаря им в условиях глобализации культурные инновации, которые направлены на прекрасные образцы западной культуры, будут восприниматься молодежью через призму традиционной культуры Китая. Это может способствовать пониманию другой культуры, культурным взаимоотношениям, культурному обмену и интеграции.

И здесь уже встают вопросы культурной безопасности. Не случайно Цуй Хайнин, Шао Лицюнь и Ван Цзин пишут, что в условиях глобализации увеличивается приток чужих культур, содержащих богатые элементы, которые противоречат культурным традициям или являются неуместными [22, С. 19]. Поэтому в академической науке Китая проводится углубленное исследование и понимание иных культур, выявляются их культурные корни, коннотации и ценности, определяется соответствие китайским культурным традициям. Следовательно, возникает необходимость на основе идентификации культур, определения культурных элементов, которые дополняют наши культурные традиции, культурную коннотацию, избегать тех явлений, которые оказывают влияние на культурные традиции или несовместимы с нашими ценностями.

С проблемами культурной безопасности связаны процессы интеграции и инновации, которые являются важным способом сочетания зарубежной культуры с традиционной культурой Китая. Прежде всего, интеграция иной и традиционной культур требует глубокого понимания их особенностей и ценностей. Поэтому в процессе интеграции и инноваций необходимо обращать внимание не только на особенности и ценности обеих культур, но и избегать их чрезмерной коммерциализации или вестернизации. Это позволит сохранить самобытность и духовный стержень традиционной культуры, не допустить утраты характерных черт национальной культуры. В данном контексте возникает проблема народных традиционных промыслов. Поэтому одной из главных задач встает решение проблемы сохранения и защиты народной культуры от ее чрезмерной коммерциализации [22, С. 20]. Народная культура — это дух китайского народа, который передается из поколения в поколение и является его национальным стержнем.

Таким образом, научными центрами и академическим сообществом проблема культурной безопасности должна рассматриваться в контексте сохранения традиционной культуры. Хотя сегодня и проходят многочисленные дискуссии о том, как сохранять, что сохранять, но, какие бы вопросы не стояли, они не меняют своей жесткой направленности — традиционная культура Китая это основа для формирования новой культуры, культуры с китайской спецификой.

Заключение

В данной статье мы остановились на тех вопросах, которые позволили объяснить на основе философской рефлексии степень обоснования взаимообусловленности культурной безопасности с типом культурной стратегии, итогом чего стало выявление критериев культурной безопасности Китая. Обращение к типам стратегий Генри Минцбера позволило определить стратегическую культуру, культурную стратегию, стратегию культуры Китая, которые обеспечивают реализацию критериев культурной безопасности. Благодаря философской рефлексии выявлено, что взаимодействие типов стратегии и культурной безопасности характеризует критерии культурной безопасности (уверенность и идентичность — в стратегической культуре; культурная преемственность, наследование, инновации — в культурной стратегии; культурная индустрия — в стратегии культуры).

Если отвлечься от безопасности культуры (как защиты материальной культуры), то культурная безопасность, как идеология, направлена на вхождение культуры Китая в мир и на открытие китайской культуры для мира. Критерии культурной безопасности, в данном случае, должны быть ориентирами для типов стратегий, которые выполняют функции, необходимые для свершения открытости китайской культуры для мира и для вхождения культуры Китая в мир.

Понятия «культурная безопасность», «культурная стратегия», «стратегия культуры», «стратегическая культура» в научный оборот китайских академических кругов вошли в середине первого десятилетия XXI в., как рецепция идей Председателя Си Цзиньпина, требующих теоретического обоснования для практической реализации, поэтому критерии культурной безопасности, в большей степени, представлены на уровне логического осмысления, чем как практические показатели. Содержание критериев культурной безопасности отражает, как позиции традиционной культуры, так и инновации, что обусловлено идеями Си Цзиньпина. Обращение в данной статье к их исследованию продиктовано герменевтическим кругом, так как понимание критериев культурной безопасности не может быть достигнуто без обращения к типам стратегий.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Астафьева О.Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации / О.Н. Астафьева // Материалы международной конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. В.К. Егорова. — Москва: РАНХиГС, 2008. — С. 120–138.
2. 王进. 增进文化认同助力国家安全彰显三大维度 / 王进 // 中国社会科学网. — 2024. — URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202407/t20240718_5765230.shtml (访问日期: 2024年11月23日).
3. 亨利·明茨伯格. 战略的5种定义:计划谋略范式定位视角 / 亨利·明茨伯格. — URL: <https://mobile.fdsms.fudan.edu.cn/cs/AboutUs/fdsms1393501378853.m> (访问日期: 2022年06月23日).
4. 邓玉荣, 罗德芬. 国家文化安全战略的构建 / 邓玉荣, 罗德芬 // Journal of China's Foreign Policy. — 2012. — № 2. — С. 94–95.
5. 邓显超. 提升我国传统文化的机遇与挑战 / 邓显超 // 长白学刊. — 2009. — № 2. — С. 15–18.
6. 我院创新工程重大项目《大国崛起中的文化战略》完成结项 / 中国社会科学院(CASS). — 2013. — URL: http://www.cass.cn/chuangxingongcheng/201312/t20131230_930450.shtml (访问日期: 2025年03月11日).
7. Кожухова К.Е. Сравнение китайской и российской стратегических культур. / К.Е. Кожухова. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества; — Москва: МГЛУ, 2022. — С. 483–486.
8. Кожухова К.Е. «Стратегическая культура» Китая: в научном дискурсе Китая. / К.Е. Кожухова // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — 3. — С. 136–144.
9. Кочеров О.С. Китайская стратегическая культура и «Дао дэ цзин». / О.С. Кочеров // Междуннародные отношения. — 2019. — 4. — С. 31–47. — DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31678
10. “文化安全”不是闭关锁国 / 《新京报》. — 2012. — URL: http://www.wenming.cn/wenshi/gd/201203/t20120324_577911.shtml (访问日期: 2025年01月10日).
11. 李思捷. 坚定文化自信 维护国家文化安全 / 李思捷 // 搜狐网. — 2024. — URL: https://www.sohu.com/a/665288358_121443915 (访问日期: 2024年10月22日).
12. 文化自信之所由 | 什么是文化自信 / 学习出版社. — 2023. — URL: http://www.xuexiph.cn/sy/jcsz/202308/t20230822_6654584.shtml (访问日期: 2024年11月12日).
13. Распартова С.Ю. Институты Конфуция как культурная стратегия Китая в пространстве российско-китайского взаимодействия в сфере образования. / С.Ю. Распартова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — 22 (682). — С. 154–163.
14. Распартова С.Ю. Концепт «гармоничная культура» в контексте современных культурных стратегий Китая. / С.Ю. Распартова // Вестник Московского государственного лингвистического университета.. — 2010. — № 590. — С. 74–95.
15. 系统把握习近平文化思想的丰富内涵 / 中国社会科学网 — 中国社会科学报. — 2023. — URL: https://www.qstheory.cn/2023-11/09/c_1129966031.htm (访问日期: 2025年08月22日).
16. 习近平. 坚定文化自信, 建设社会主义文化强国 / 习近平 // 求是. — 2019. — URL: <https://www.12371.cn/2019/06/15/ARTI1560589377081938.shtml> (访问日期: 2025年08月22日).
17. 习近平. 加快建设文化强国 / 习近平 // 中国政府网. — 2025. — URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202504/content_7018749.htm (访问日期: 2025年09月10日).
18. 徐琴. 试论新形势下的中国传统文化. 北京: 人民出版社, 2010.第: 13-20页
19. 徐中. 坚定文化自信 / 徐中 // 红旗文稿. — 2023. — № 18. — URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2023-09/27/c_1129888898.htm (访问日期: 2024年12月15日).
20. Тарабарко К.А. «Мягкая сила» региональной культуры: осмысление опыта современного Китая. / К.А. Тарабарко, Т.Н. Кучинская. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII международной научно-практической конференции; — Чита: ЗабГУ, 2017. — С. 356–360.
21. 吴玉军. 以文化认同筑牢维护国家安全的坚实屏障 / 吴玉军 // 人民网. — 2024. — URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0419/c40531-40219165.html> (访问日期: 2024年11月10日).
22. 崔海英,邵丽君,王晶.探析西方文化冲击下的中国文化核心价值观的传承,天下论文网 2019 年第 2 期: 19–21
23. Цыренова Э.Ж. Культурные стратегии России и Китая: диаспорный аспект. / Э.Ж. Цыренова, Т.Н. Кучинская. // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра.; — 19. — Чита: ЗабГУ, 2017. — С. 66–68.
24. Флиер А.Я. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». / А.Я. Флиер // Три культурные стратегии межнациональных коммуникаций в полиэтническом обществе. — 2014. — №4. — URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/4/Flier_Three-Cultural-Strategies.\(data обращения: 02.09.25\)](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/4/Flier_Three-Cultural-Strategies.(data обращения: 02.09.25))
25. 张熙. 当代俄罗斯文化安全问题及其启示 / 张熙 // 中国社会科学院. — 2025. — URL: http://philosophy.cass.cn/kygz/xszm/xfzx/202502/t20250221_5848766.html (访问日期: 2025年09月02日).
26. 陈文革. 文化话语视角下的安全研究: 以中国文化安全化为例. 学术界, 2017(5): 75–86.

27. 颜 旭 . 有 效 维 护 我 国 文 化 安 全 / 颜 旭 // 人 民 网 . — 2022. — URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/0718/c40531-32477854.html> (访问日期: 2024年12月10日) .

Список литературы на английском языке / References in English

1. Astafeva O.N. Mezhkul'turnyy dialog v usloviyakh globalizatsii [Intercultural Dialogue in the Context of Globalization] / O.N. Astafeva // Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii; ed. by V.K. Yegorova. — Moscow: RANEPA, 2008. — P. 120–138. [in Russian]
2. Wang J. Zengjin wenhua rentong zhuli guojia anquan zhangxian san da weidu [Enhancing Cultural Identity and Boosting National Security: Three Dimensions] / J. Wang // Zhongguo Shehui Kexue Wang [China Social Sciences Net]. — 2024. — URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202407/t20240718_5765230.shtml (accessed: 11.23.2024). [in Chinese]
3. Mintzberg H. Zhanlüe de 5 zhong dingyi: jihua, moulüe, fanshi, dingwei, shijiao [Five Definitions of Strategy: Plan, Ploy, Paradigm, Position, Perspective] / H. Mintzberg. — URL: <https://mobile.fdsn.fudan.edu.cn/cs/AboutUs/fdsn1393501378853.m> (accessed: 06.23.2022). [in Chinese]
4. Deng Y. Guojia wenhua anquan zhanlüe de goujian [Construction of National Cultural Security Strategy] / Y. Deng, D. Luo // Journal of China's Foreign Policy. — 2012. — № 2. — P. 94–95. [in Chinese]
5. Deng X. Tisheng woguo chuantong wenhua de jiyu yu tiaozhan [Opportunities and Challenges in Promoting China's Traditional Culture] / X. Deng // Changbai Journal. — 2009. — № 2. — P. 15–18. [in Chinese]
6. Woyuan chuangxin gongcheng zhongda xiangmu "Daguo jueqi zhong de wenhua zhanlüe" wancheng jie xiang [Major Innovation Project "Cultural Strategy in the Rise of Great Powers" Completed] / Chinese Academy of Social Sciences. — 2013. — URL: http://www.cass.cn/chuangxingongcheng/201312/t20131230_930450.shtml (accessed: 03.11.2025). [in Chinese]
7. Kozhuxova K.E. Sravnenie kitajskoj i rossijskoj strategicheskix kul'tur [Comparison of Chinese and Russian strategic cultures]. / K.E. Kozhuxova. // Russia and China: history and prospects of cooperation; — Moscow: MGLU, 2022. — P. 483–486. [in Russian]
8. Kozhuxova K.E. «Strategicheskaya kul'tura» Kitaya: v nauchnom diskurse Kitaya ["Strategic Culture" of China: in the Scientific Discourse of China]. / K.E. Kozhuxova // Problems of the Far East. — 2021. — 3. — P. 136–144. [in Russian]
9. Kocherov O.S. Kitajskaya strategicheskaya kul'tura i «Dao de' czzin» [Chinese strategic culture and the Tao Te Ching]. / O.S. Kocherov // International relations. — 2019. — 4. — P. 31–47. — DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31678 [in Russian]
10. "Wenhua anquan" bushi biguan suoguo ["Cultural Security" Is Not Isolationism] / Beijing News. — 2012. — URL: http://www.wenming.cn/wenshi/gd/201203/t20120324_577911.shtml (accessed: 01.10.2025). [in Chinese]
11. Li S. Jianding wenhua zixin weihu guojia wenhua anquan [Strengthening Cultural Confidence and Safeguarding National Cultural Security] / S. Li // Sohu. — 2024. — URL: https://www.sohu.com/a/665288358_121443915 (accessed: 10.22.2024). [in Chinese]
12. Wenhua zixin zhi suo you | shenme shi wenhua zixin [The Origin of Cultural Confidence. What Is Cultural Confidence?] / Xuexi Chubanshe [Learning Press]. — 2023. — URL: http://www.xuexiph.cn/sy/jcsz/202308/t20230822_6654584.shtml (accessed: 11.12.2024). [in Chinese]
13. Raspertova S.Yu. Instituty' Konfuciya kak kul'turnaya strategiya Kitaya v prostranstve rossijsko-kitajskogo vzaimodejstviya v sfere obrazovaniya [Confucius Institutes as a Cultural Strategy of China in the Space of Russian-Chinese Interaction in the Sphere of Education]. / S.Yu. Raspertova // Bulletin of Moscow State Linguistic University. — 2013. — 22 (682). — P. 154–163. [in Russian]
14. Raspertova S.Yu. Koncept «garmonichnaya kul'tura» v kontekste sovremennoy'x kul'turny'x strategij Kitaya [The concept of "harmonious culture" in the context of modern cultural strategies of China]. / S.Yu. Raspertova // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. — 2010. — № 590. — P. 74–95. [in Russian]
15. Xitong bawo Xi Jinping wenhua sixiang de fengfu neihan [Systematically Grasp the Rich Connotations of Xi Jinping's Cultural Thought] / China Social Sciences Net — China Social Sciences Daily. — 2023. — URL: https://www.qstheory.cn/2023-11/09/c_1129966031.htm (accessed: 08.22.2025). [in Chinese]
16. Xi J. Jianding wenhua zixin, jianshe shehuizhuyi wenhua qiangguo [Strengthen Cultural Confidence and Build a Strong Socialist Cultural Nation] / J. Xi // Qiushi. — 2019. — URL: <https://www.12371.cn/2019/06/15/ARTI1560589377081938.shtml> (accessed: 08.22.2025). [in Chinese]
17. Xi J. Jiakuai jianshe wenhua qiangguo [Accelerate the Construction of a Culturally Strong Country] / J. Xi // The State Council of the People's Republic of China. — 2025. — URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202504/content_7018749.htm (accessed: 09.10.2025). [in Chinese]
18. Xu Q. Shi lun xin xingshi xia de Zhongguo chuantong wenhua [On Chinese Traditional Culture under the New Situation] / Q. Xu. — Beijing: Renmin Chubanshe [People's Publishing House], 2010. — P. 13–20. [in Chinese]
19. Xu Z. Jianding wenhua zixin [Strengthening Cultural Confidence] / Z. Xu // Hongqi Wengao [Red Flag Manuscript]. — 2023. — № 18. — URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2023-09/27/c_1129888898.htm (accessed: 12.15.2024). [in Chinese]
20. Tarabarko K.A. «Myagkaya sila» regional'noj kul'tury: osmy'slenie opyta sovremennoy Kitaya [“Soft power” of regional culture: understanding the experience of modern China]. / K.A. Tarabarko, T.N. Kuchinskaya. // Russia and China: history and prospects for cooperation: materials of the VII International Scientific and Practical Conference; — Chita: ZabGU, 2017. — P. 356–360. [in Russian]
21. Wu Y. Yi wenhua rentong zhu lao weihu guojia anquan de jianshi pingzhang [Building a Solid Barrier to Safeguard National Security Through Cultural Identity] / Y. Wu // People's Daily Online. — 2024. — URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0419/c40531-40219165.html> (accessed: 11.10.2024). [in Chinese]

22. Cui H. Tanxi xifang wenhua chongji xia de Zhongguo wenhua hexin jiazhi guan de chuancheng [Exploring the Inheritance of Chinese Cultural Core Values Under the Impact of Western Culture] / H. Cui, L. Shao, J. Wang // Tianxia Paper Network. — 2019. — № 2. — P. 19–21. [in Chinese]

23. Cy'renova E'.Zh. Kul'turny'e strategii Rossii i Kitaya: diasporny'j aspekt [Cultural strategies of Russia and China: the diaspora aspect]. / E'.Zh. Cy'renova, T.N. Kuchinskaya. // Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the Eastern Center; — 19. — Chita: ZabGU, 2017. — P. 66–68. [in Russian]

24. Flier A.Ya. Informacionny'j gumanitarny'j portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». [Information Humanitarian Portal "Knowledge. Understanding. Skills."] / A.Ya. Flier // Three Cultural Strategies of Interethnic Communications in a Multiethnic Society. — 2014. — №4. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/4/Flier_Three-Cultural-Strategies. (accessed: 02.09.25) [in Russian]

25. Zhang X. Dangdai Eluosi wenhua anquan wenti ji qi qishi [Contemporary Russian Cultural Security Issues and Their Implications] / X. Zhang // Chinese Academy of Social Sciences. — 2025. — URL: http://philosophy.cass.cn/kygz/xszm/xfzx/202502/t20250221_5848766.html (accessed: 09.02.2025). [in Chinese]

26. Chen W. Wenhua huayu shijiao xia de anquan yanjiu: yi Zhongguo wenhua anquan hua wei li [Security Research from the Perspective of Cultural Discourse: The Case of Chinese Cultural Securitization] / W. Chen // Academic Circles. — 2017. — № 5. — P. 75–86. [in Chinese]

27. Yan X. Youxiao weihu woguo wenhua anquan [Effectively Safeguarding China's Cultural Security] / X. Yan // People's Daily Online. — 2022. — URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/0718/c40531-32477854.html> (accessed: 12.10.2024). [in Chinese]